

И. В. ЛОПУХИН

Замечание на известную книгу Руссову «Du Contrat Social»*: т. е. о договоре, по которому составились общежития

Один Победитель над самим собою истинно свободен.

Пламенная любовь к народам должна быть первым свойством законодателей и правительств. Желание общего блаженства и стремление всеми возможными способами устраивать оное должны естественно проистекать из чувства любви истинно патриотической. Для Героя, в высочайшей степени патриотизмом блистающего, нет нужды, его ли дело сие блаженство или нет — лишь бы оно существовало.

Но что прямо составляет блаженство народов, счастье человеческое? — Довольство и покой. Без них не может быть счастья; при них несчастья быть не может.

Бедный в рубищах, в тесной хижине живущий и довольный своим состоянием, гораздо счастливее миллионщика, измученного бессонницею от выкладок прибытков, которыми алчность его к богатству насытиться не может. Спокойно несущий иго рабства счастливее того мнимо-свободного, который беспрестанно всем обижается и беспокоится желанием большей свободы².

И так если дух Христианства делает все сносным, все приятным — и один это делать может, как говорит Жан-Жак, —

* Первая Глава сей книги начинается словами: *человек родился свободным и — везде в оковах!* А в конце Руссо красноречивыми противоречиями предлагает неудобность Христианства для политического состояния¹.

что и подлинно правда: то один сей дух есть дух истинного счастья, которое потому и может быть только уделом общества Христианского.

Науки, художества, ремесла, промыслы должны цениться по мере того, сколько они могут служить орудиями к благоденствию народному. Если и при малом в них успехе народ счастлив, то излишне будет желать большего: они были бы совсем не нужны, ежели бы без них люди могли быть счастливы³.

Наука благонравия необходимо нужна для благоденствия народов. Без благонравия нет верности в союзах общественных; без него не может быть чистоты совести и спокойства душевного, которое одно есть непоколебимое основание счастья и бальзам жизни. Без благонравия не может быть и телесного здоровья, с помощью коего люди удобно находят все физическое, нужное для общежития. И где же сей чистейшей науки источник, как не в Христианстве?

Кротости Христианской, говорит Жан-Жак, несвойственно возмущать общее спокойство, употреблять насилие и проливать кровь; а потому одушевляемые ею без роптания покоряются похитителю царства, и Катилине⁴, и Кромвелю, как бичу отеческого наказания. Но покоряющиеся в кротости и с терпением скипетру тиранства не счастливее ли граждан лучшего правления, недовольных состоянием своим?

В мыслях Христианина, говорит Ж. Жак, все равно — свобода или рабство в сей юдоли плача. Предмет его — рай.

Одно такое расположение беспристрастия ко всему временному и независимости от него составляет прямое качество совершенной свободы. Такое расположение свойственно только человеку, удаленному от страстей. Без сей независимости свобода — мечта! Один победитель над самим собою непобедим; он один истинно свободен. Узы тяжки или легки для сердца; сердцем же должны и расторгаться. Нет в мире уз для того, кто не привязан к миру.

Чем налагаются оковы на человека? Страстями и немощами. Люди страждут друг от друга, страждут и от себя самих. Одни, стняя под бременем страстей своих, пленяют страсти или немощи других в рабство тем же страстям, неутолимостью их снедающим. Иные поработаются с намерением приобрести владычество и наслаждение; беспрестанно скорбят от оков, налагаемых на себя для мнимого блага; тщетно ищут от них освободиться; увеличивают чрез то тяжесть их и умножают страдания. Большее же число в слепоте следует общему влечению, не зная ни причин своей неволи, ни путей к свободе истинной.

Страсти, слабости, нужды, хитрость, навык, обычаи держат в неволе весь род человеческий; и посему можно сказать с Жан-Жаком, что *человек везде в оковах*. Но свободным ли он родился?

По тому правильному о творении понятию, на котором основывается Христианство, человек создан *быть свободным, блаженствовать душою и телом*, руководствуясь непосредственно гласом все сотворшей Премудрости и исполняя уставы Ее, живыми буквами начертанные на зеркале света, ему откровенного. Преступление сих уставов сокрыло от него благодетельный свет и причинило падение, преселившее его в мир слепотствования, труда и болезни, а с ними, естественно, ига и неволи.

От сего произошли, по необходимости и для самой пользы человека, соединения в общества ко взаимному вспоможению, разнообразные правительства и учреждения. Чем больше человечество развращалось, тем больше узы его становились тяжки и грубы. Власти, грозные и часто несправедливые, заступили место чадолюбивых правлений семейственных; за нежными исправлениями от рук родительских последовали казни.

Новый хаос возник из смешения болезней, страстей и немощей, с непросвещенным стремлением исцелиться и вступить на путь истины — подобно тому, как бы толпы людей, в самую темную ночь зашед в густые, неизвестные им леса, стремились выйти, не дождавшись просияния света. Одни, порознь ходя, ищут себе дороги, и чем далее отходят, тем больше заблуждаются; другие хотят указывать путь и, не зная прямой дороги, ошибаются и ведомых ими от нее отводят. Иные толпятся, стараются опередить спутников, друг друга толкают, роняют, сами падают, ушибаются и других ушибают.

Вот слабая черта великой картины обществ, страстей, немощей человеческих и — неволи.

Можно сказать, что в настоящем состоянии человек родится свободным только потому, что родится с волею, имеющею свободу преклонять внутренний слух его к спасительному гласу Творца, непрестанно зовущему в первобытное его блаженство, и стремиться вступить на пути, открытые Премудростью. Укрепя волю свою силою воли Всемогущего, человек становится свободным на земле, потому что небесная Доблесть возносит его превыше всего земного.

И конечно, одна сия превыспренняя Доблесть, дух истинного Христианства, может делать человека совершенно свобод-

ным *внутренно*; а общее право всех и каждого человека — водвориться в то блаженство, для коего он сотворен по образу и подобию Творческому, — есть истинное, единственное между людьми *равенство* пред очами Божиими. Внешняя свобода и равенство — мечты! Сколь они пагубны, доказал славный и несчастный народ, восхитившийся Руссовою книгою: «и Contrat Social».

Так, один только гражданин небес (как Жан-Жак называет Христианина) свободен на земле. Он не будет пренебрегать полезного и для пребывания на ней; как благоразумный путешественник, поспешая возвратиться в отечество, не будет презирать ничего нужного и полезного на пути своем.

Правда, Христианин исполняет долг свой, говорит Руссо: *только с полною беспечною о успехе трудов своих*. Но когда долг исполняется, то забота о успехе делается совсем излишнею. Успех должен быть естественным следствием исполнения. Предмет успеха в исполнении долга может быть поощрением для тех только, которые не имеют усердной любви к своему долгу.

Они, — говорит Ж. Ж. о Христианах, — охотно идут на войну с ополчающимися на их отечество; бегство никому из них и на мысль не приходит; они исполняют долг свой, но без страсти к победе, и лучше умирать, нежели побеждать умеют. Что им до того, победят ли или побеждены будут? Блеск слов, без всякого основания в натуре и справедливости! Кто не боится смерти и сражается, тот храбр и имеет все качества победителя. Страсть к победе не нужна ему для победы; и тут победа, где только можно, будет естественным следствием сражения, исполнения долга.

Вся важность для Христианина, пишет Ж. Ж., состоит в том, чтоб войти в рай, — и потому находит Христианина не полезным для земли. Но потому-то он и полезен; потому-то делает только то, что служит к благоденствию на ней, и работает в вертограде добродетели: а без царства добродетели блаженства быть не может.

Жан-Жак, восставая против искания рая, сам включает рай в догматы той гражданской Религии, которой исповедание предлагает необходимо нужным и под казнь смертною.

Он говорит: «Догматы Религии гражданской должны быть просты, немногие, изложенные с точностью, без объяснений и толкований: *бытие Божества* всемогущего, премудрого, всеведущего, благотворного, предвидящего — *будущая жизнь, блаженство праведным, казнь злым*» и пр.

Но что ж такое блаженство праведных в будущей жизни, как не рай? И кто, веря сему, не будет к сему стремиться и предпочитать оное временности, тленности? Что значат праведники без Христианства? Живые без жизни.

Нет, мой любезный Философ или, справедливее сказать, мудрователь добросердный! Ты был сотворен светилом Христианству — а сделался... Но Любовь воплощенная да учинит тебя в будущем тем, что тебе предоставила. Да познаешь там, что такое *le vrai beau*, истинное изящество, которое здесь по оцупи одной так прелестно ты описывал. Это доказывает, что ты был создан быть великим проповедником изящности небесной.

Нет, почтенный! Христианство есть соль земли и цвет блаженства в обществах человеческих.

Но где же целые народы Христианские? где Христиане не по имени только и обрядам, как говоришь ты справедливо, — но избранные любители Веры Евангельской, той святой, небесной, истинной Религии, в которой человеки, *чада единого Бога, все почитают друг друга братьями и связуются союзом общества, не расторгаящимся самою смертью!* — Слова самого Жан-Жака⁵.

Где же земли Христианские, коих все обитатели были бы истинные Христиане духом и делами? Там не было бы грабежей, раздоров и убийств. Самолюбие и сластолюбие там бы не владычествовали: были бы падения слабости человеческой, которым и праведники подвержены; но не торжествовал бы порок с бесстыдством и умыслом. Где же такие области?

Нет! истинные сокровища неба на земле редки. Под неприметною корою простоты и презрения от мира они открывают в нем явления того золотого века, которого слабыми описаниями одной тени мы столько восхищаемся в песнях искуснейших Пиитов.

Но доколе волк хищный не взыграет с агнцем — нужны для обороны от зверей оружия, для укрощения их бичи и путы, нужны — и будут.

В Козлове (Евпатории), в половине июля 1805 года, при прогулке и морском купанье.

